

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

Д.Б. Поляков

«Как если бы власти не существовало». Онтология и политика постанархизма*

Поляков Дмитрий Борисович – кандидат философских наук. Забайкальский институт железнодорожного транспорта – филиал Иркутского государственного университета путей сообщения. Российская Федерация, 672040, г. Чита, ул. Магистральная, д. 11; e-mail: poldmit89@mail.ru

Предлагаемая рецензия посвящена книге С. Ньюмана «Постанархизм», выпущенной в мае 2021 г. издательством «РИПОЛ классик». Перевод на русский язык данного текста, оригинал которого вышел в 2016 г., представляется значимым не только в контексте освоения малоизвестных в России политико-философских концепций Запада, но и с точки зрения анализа современных практик политического сопротивления государству. Последние стимулируют философскую рефлексию об онтологических, эпистемологических и этических контурах этого сопротивления, примером чего и является рассматриваемая работа Ньюмана. Книга при этом не является ни программным документом современного анархического движения, ни руководством к политическому действию, но представляет собой довольно оригинальную оптику, которую автор выстраивает с помощью интерпретативной сборки антиавторитарных мотивов, извлекаемых из трудов ряда мыслителей прошлого и настоящего.

Ключевые слова: анархизм, постанархизм, Сол Ньюман, радикальная политика, онтологическая анархия, власть, восстание, сингулярность, неокинизм, автономия

Несмотря на довольно скромный научный интерес к постанархизму в России, своя доля известности у него все-таки есть. Этим предувещивает нас М. Рахманинова во вступлении к книге ключевого постанархистского теоретика, лондонского профессора Сола Ньюмана¹. На языке оригинала «Постанархизм» вышел в не столь далеком 2016 г., поэтому идеи и интуиции автора по прошествии пяти лет остаются и актуальными, и дискуссионными.

В относительно недавней статье Ньюман раскрывает суть постанархизма через фиксацию четырех его ключевых координат, или осей (axes): 1) онтологический анархизм; 2) эпистемологический анархизм; 3) форма политического действия и 4) проблематика анархистского субъекта [Newman, 2019, с. 83]. В рассматриваемой

* Рец. на кн.: Ньюман С. Постанархизм / Пер. с англ. О.Л. Грабовской. М.: РИПОЛ классик, 2021.

¹ Переводы статей и отрывков из монографий Ньюмана, а также тексты других авторов-анархистов и исследователей либертарной теории и практики можно найти на сайте интернет-журнала «Акра-тея. Анархистские исследования на постсоветском пространстве» (akrateia.info).

книге все эти осевые аспекты так или иначе теоретизируются, перетекая из одного в другой, а также стягивая к себе мысли и озарения философов от Античности до современности, что в итоге должно продемонстрировать читателям новую парадигму радикальной политики, «идею такого режима политики, центральное место в котором, вместо управления с помощью и посредством государства, занимают самоуправление и свободная спонтанная организация» [Ньюман, 2021, с. 46]. Если постараться воспроизвести постанархистскую логику предельно схематично, то мы увидим примерно следующее:

– в связи с подрывом дискурса всеобщего детерминизма, осуществленным в эпоху постмодерна, бытие лишается устойчивых оснований, predetermined путей развития и целеполагания. Его характеристикой объявляется «онтологическая анархия», понимаемая как отсутствие фундаментального, первичного принципа существования и как контингентность;

– этот подрыв распространяется и на социальную реальность, упорядочивающим принципом которой объявляет себя суверенное государство. Эпистемологическая диверсия заключается в разоблачении подобного «опекунского» дискурса и огосударствления научной рациональности, в демонстрации пустоты вместо каких-либо оснований у этого дискурса. Отсюда же – скептицизм в отношении революционных проектов вроде марксизма и марксизма-ленинизма, претендующих на захват государственной власти в целях репрезентации интересов масс с апелляцией к исторической и экономической телеологии и научной обоснованности (этот же скептицизм применяется и к классическому анархизму). Опираясь на М. Фуко, Ньюман использует концепт «не-власть» и свою «аксиому свободы»² для характеристики контингентности социальных отношений, а также преходящей природы институционализированных форм власти;

– свобода как онтологическая данность (а не только как нечто, чего еще предстоит достичь в будущем) и фуколдианский скептицизм способствуют концептуализации иного типа радикальной субъективности, сменяющей фигуру народа или фиксированную классовую идентичность, к которым взывает традиционная революционная мысль (включая анархизм). Политический субъект постанархизма, которого Ньюман с отсылкой к ряду философов называет сингулярностью или единичным, не наделен каким-либо историческим призванием, не привязан к классу, этносу, гендеру или другим эссенциалистским категориям. Этот номадический, нефиксируемый и неопределяемый субъект порывает с властными механизмами конструирования устойчивой идентичности, ускользает от них, объединяясь в подвижные и изменчивые сообщества с другими единичностями;

– появление и функционирование сингулярности сопряжено с понятием восстания, смещающим эсхатологический и универсалистский нарратив революционного События. Лишенное конкретной политической цели, прежде всего цели присвоения власти, восстание не обращено буквально против государства, оно «знаменует переход от игр власти и контрвласти к *безразличию* к власти. Оно направлено на преобразование меня и моего непосредственного отношения к другим, а также на развитие автономного образа жизни, который стремится избежать тех ловушек, что для меня расставила власть» [Ньюман, 2021, с. 110]. Практики взаимодействия при таком восстании носят не столько альтернативный, сколько экстериорный характер, т.е. осуществляются *по ту сторону* логики «или – или» («за – против»), присущей классическому анархизму и революционному дискурсу как таковому.

² «Давайте попытаемся понять свободу не как объект, который нужно захватить, не как цель, которой нужно достичь, не политический проект, который должен быть реализован, или режим, который нужно усовершенствовать, а как онтологическую точку отсчета и аксиоматическое условие человеческой деятельности» [Ньюман, 2021, с. 188].

Отказ от выдвигания каких-либо требований к государству мыслится как самодостаточный радикальный жест разрыва с ним, как конструирование того, что Делёз в присущей ему терминологической манере называл «вакуолями не-коммуникации».

Конечно, в таком упрощенном пересказе многие нюансы и особенно аргументация остаются за скобками. Таков формат рецензии. Следует, однако, указать на некоторые ключевые особенности постанархистской теории, среди которых можно назвать обилие философских персоналий, обычно с анархизмом не ассоциирующихся. О том, что его постанархизм не выводится из идей П.-Ж. Прудона, М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина, говорит и сам Ньюман, хотя и дает в начале краткое описание анархистской «политической ереси». Что же касается траектории, выстраиваемой автором от онтологии к политике, то на всем ее протяжении, если соблюсти хронологический порядок, мы встречаем античных киников³, ренессансного мыслителя Э. де ла Боэси, младогегельянца-индивидуалиста М. Штирнера⁴, священника-хайдеггеря Р. Шюрманна, синдикалиста Ж. Сореля, теоретика культуры В. Беньямина, философов Ж.-Л. Нанси и Дж. Агамбена и, конечно, постструктуралистов М. Фуко и Ж. Делёза. Все они привносят что-то из своих теорий и даже практического опыта (как в случае с кинизмом) в тот или иной аспект постанархистского видения, которое предстает в качестве своеобразной интерпретативной сборки антиавторитарных или акратических⁵ мотивов и контекстов, присущих работам названных мыслителей. И такая сборка вполне объяснима, если учесть, что сам термин «постанархизм» отсылает к взаимодействию с постструктурализмом и постмодернизмом⁶ с характерной для них интертекстуальностью.

С некоторыми оговорками постанархизм вообще и концепцию Ньюмана в частности можно назвать теоретическим эквивалентом того, что Н. Срничек и А. Уильямс называют народной политикой – тенденцией в леворадикальном движении нескольких последних десятилетий, которая включает в себя горизонтализм, локализм, акцент на автономии, прямое действие, отказ от предъявления требований и префигуративность (конструирование автономных пространств свободы и равенства в текущих практиках, т.е. здесь и сейчас) [Срничек, Уильямс, 2019]. Неслучайно то, что эти авторы называют одним из недавних и наиболее ярких проявлений такой политики движение «Оссуру» – движение, которым Ньюман буквально

³ О связи философии кинизма с анархизмом см. также [Рябов, 2021, с. 59–72].

⁴ С одной стороны, Штирнер – каноничная фигура в историографии анархизма, положившая начало индивидуалистическому направлению в нем. Однако критика онтологических оснований и идеологических конструктов, которые Штирнер называл призраками и навязчивыми идеями (общество, государство, Бог, человек, свобода [Штирнер, 2017]), позволяет отнести его к предтечам постструктурализма, включающего недоверие к универсальным нарративам и господствующим типам рациональности. Этим объясняются регулярные отсылки к нему в текстах Ньюмана, включая «Постанархизм», особенно в главах, которые посвящены разработке идей сингулярности и восстания.

⁵ Термин «акратический», развиваемый М. Рахманиновой в монографии «Власть и тело», как раз и подразумевает наличие «безвластнической» направленности у тех авторов, которые не идентифицируют себя с анархистской традицией как таковой, но идеи которых очевидным образом с ней перекликаются. См.: [Рахманинова, 2020].

⁶ Первой и, пожалуй, предсказуемой критической реакцией на постанархизм стало указание на то, что его теоретики, и прежде всего Ньюман, якобы претендуют на преодоление анархизма (что подчеркивается приставкой «пост»). Другие теоретики, Т. Мэй и Л. Колл, использовали более однозначные термины – «постструктуралистский анархизм» и «постмодернистский анархизм» соответственно. Ньюман и сам признавал, что «в ретроспективе, возможно, это и был некорректно подобранный термин, но он никогда не подразумевал, что анархизм каким-то образом закончился или был вытеснен. “Пост” отсылает не к чему-то *следующему после*, но, напротив, к пересмотру анархизма, попытке активизировать его и исследовать его релевантность современной борьбе, движениям и моделям политики» [Newman, 2019, с. 82].

восхищается, усматривая в нем образчик постэтатистской и в конечном счете постанархистской политики. Последняя, по его словам, не требует от участников строгой идентификации с традиционным анархизмом, что и имело место в движении “Осциру”, которое не претендовало на идеологическую монолитность.

Несмотря на локальные достижения, эксперименты с прямой демократией, а также разоблачения неолиберализма и государства с этических позиций, “Осциру” и ряд других подобных ему движений не произвели каких-либо структурных трансформаций в текущем миропорядке. И если Срничек и Уильямс, признавая некоторые плюсы «народной политики», призывают к универсализации левого дискурса и созданию долгосрочного гегемонистского проекта в целях системного переустройства мира, то Ньюман в целом остается на тактических и микрополитических позициях, хотя и выказывает симпатии к альянсам демократических движений с радикальными политическими партиями вроде греческой «Сиризы». Отказ от четких требований и прямое, независимое от официальных институтов действие рассматриваются им как субверсивный жест, не связанный ни с какой политической прагматикой или традиционной политической логикой, которая якобы подрывается самим фактом осуществления такого жеста. Как уже отмечалось, постанархизм взывает к положению вне дихотомий власти и контрвласти, гегемонии и контргегемонии, в чем, по мысли Ньюмана, выражается своеобразное восстание и даже насилие по отношению к существующему социально-политическому порядку: «...понимание насилия в радикальной политике может быть этически преобразовано в форму автономного действия, преодолевающего парадигму власти и закона, то есть в такое действие, которое осуществляется за пределами этой парадигмы, как если бы ее вообще не существовало. Насилие постанархизма выражается не в кровопролитных попытках захватить власть, в безразличии к ней и в тех радикальных возможностях свободы, которые такое безразличие раскрывает» [Ньюман, 2021, с. 147].

Не станем здесь углубляться в вопрос о жизнеспособности практик, которые вдохновляют постанархизм, или практик, которые сами могут им вдохновляться. И все же заметим: несмотря на привлекательность того, что в постанархистской перспективе «люди смотрят не на государство, а друг на друга», государство от этого не перестает смотреть на людей. И не только смотреть, но и заставлять считаться с собой, активизируя для этого как правоустанавливающее, так и правоподдерживающее насилие⁷, которому довольно проблематично противопоставлять тактики ускользания и не-коммуникации. Попытки избежать идентификации со стороны власти во имя бытия любой единичностью (сингулярностью) предсказуемо могут быть пресечены метками «экстремизм» или «терроризм», а такие накладываемые властью идентичности – экстремист или террорист соответственно – предусмотрены, пожалуй, любым государством.

Пространство постанархизма скорее интеллектуальное, нежели эмпирическое. Да, он интерпретирует некоторые практики и сам, вероятно, может повлиять на какие-то движения, но как таковой практическим движением не является. В конце концов, сложно представить политическую акцию или забастовку с призывами к автономному восстанию сингулярностей, префигуративной (анти)политике безразличия к власти, неокинической этике и онтологической анархии. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что перед нами интеллектуалистский фронт анархизма, что, конечно, может вызывать недоумение или даже раздражение, скажем, у классово ориентированных анархистов. Это объяснимо, если учесть обширные цитирования и отсылки к не всем и не всегда понятным постструктуралистам, психоаналитикам вроде Ж. Лакана и континентальным мыслителям в целом, а также перечисленную

⁷ Понятия, которые разрабатываются в одном из текстов В. Бенямина и на которые опирается Ньюман в своей критике как государственного, так и революционного насилия, связанного с захватом государственной власти.

выше серию концептов, с трудом соотносимых с интересами и потребностями очень многих людей, которые, к сожалению, не знакомы с изысканиями Беньямина, Фуко или Делёза.

И все же, если анархистская установка на борьбу со всеми формами господства что-нибудь значит, то почему бы и упомянутому фронту, который можно также назвать и дискурсивным, и эпистемологическим, и академическим, не иметь своего места и назначения: оспаривать гегемонистские дискурсы, проследить их генеалогию, раскрывать их реальные, а не декларируемые основания и, наконец, продемонстрировать уязвимости в теории самого анархизма, а также других политических теорий. Кроме того, постанархизм включает и присущую современной левой мысли этическую критику потребительской идеологии и образа жизни, неолиберальной субъективности, одержимости безопасностью, продуцирующей страх и пассивность, экспансии технологий и выхолащенного виртуального «кликтивизма». Все эти темы остаются злободневными, и обращение к ним, попытки разрешить их с помощью этики (а этика всегда была движущей силой анархизма), безусловно, важны и необходимы.

«Постанархизм» уступает по объему и содержательности ранним книгам Ньюмана, включающим куда более развернутую критику марксизма, либерализма, а также классического и современного анархизма, не говоря уже о том, что сама специфика постанархистской теории – синтез анархизма и постструктурализма – заключена как раз в его первой крупной работе⁸ [Newman, 2001; Newman, 2010]. Рассматриваемый же текст можно считать своего рода отчетом Ньюмана о его теоретических изысканиях за 15 лет⁹, чем и важен его перевод для постсоветского пространства, которое, к сожалению, все еще нередко опаздывает на встречи с актуальными философскими и политическими концепциями Запада.

Список литературы

- Ньюман, 2021 – *Ньюман С.* Постанархизм. М.: РИПОЛ классик, 2021. 208 с.
- Рахманинова, 2020 – *Рахманинова М.* Власть и тело. М.: Радикальная теория и практика, 2020. 432 с.
- Рябов, 2021 – *Рябов П.В.* Мать порядка. Как боролись против государства древние греки, первые христиане и средневековые мыслители. М.: РИПОЛ классик, 2021. 266 с.
- Срничек, Уильямс, 2019 – *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.
- Штирнер, 2017 – *Штирнер М.* Единственный и его собственность. М.: РИПОЛ классик, 2017. 464 с.
- Newman, 2001 – *Newman S.* From Bakunin to Lakan: Anti-authoritarianism and the Dislocation of Power. Maryland, MD: Lexington Books, 2001. 197 p.
- Newman, 2010 – *Newman S.* The Politics of Postanarchism. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. 200 p.
- Newman, 2019 – *Newman S.* Postanarchism today: Anarchism and political theory // *The Anarchist Imagination: Anarchism Encounters the Humanities and the Social Sciences* / Ed. by C. Levy, S. Newman. London; New York: Routledge, 2019. P. 81–94.

⁸ В ней же, кстати, дано весьма важное разграничение между понятиями власти, господства и авторитета, которое в последующих текстах несколько размывается.

⁹ Хотя в ней уделено больше внимания таким темам, как добровольное рабство, политическое насилие, форма политического действия, радикальная субъективность и др., которые в указанных ранних работах затрагиваются лишь частично либо артикулируются в ограниченных по объему статьях.

“As if Power did not Exist”: Ontology and Politics of Postanarchism

Dmitry B. Polyakov

Transbaikal Institute of Railway Transport, Branch of the Irkutsk State University of Ways of Communication. 11 Magistralnaya Str., Chita, 672040, Russian Federation; e-mail: poldmit89@mail.ru

The proposal review is devoted to the book by S. Newman “Postanarchism” presented in April 2021 by the “RIPOL Classic” publishing house. The translation into Russian of this text, the original of which was published in 2016, seems significant not only in the context of familiarization the little-known in Russia politico-philosophical concepts of the West, but also from the position of analyzing contemporary practices of political resistance to the state. The radicalism of these practices stimulates philosophical reflection on the ontological, epistemological and ethical contours of this resistance, an example of which is Newman's work reviewed here. At the same time, the book is neither a program document of the modern anarchist movement, nor a guide to political action. It represents a quite original optics, which the author builds with the help of an interpretive assembly of anti-authoritarian motives extracted from the works of thinkers of the past and present.

Keywords: anarchism, postanarchism, Saul Newman, radical politics, ontological anarchy, insurrection, singularity, voluntary servitude, autonomy

References

Newman S. *From Bakunin to Lakan: Anti-authoritarianism and the Dislocation of Power*. Maryland, MD: Lexington Books, 2001. 197 p.

Newman S. Postanarchism today: Anarchism and political theory. In: *The Anarchist Imagination: Anarchism Encounters the Humanities and the Social Sciences*, ed. by C. Levy, S. Newman. London and New York: Routledge, 2019, pp. 81–94.

Newman S. *Postanarhizm* [Postanarchism]. Moscow: RIPOL klassic Publ., 2019. 208 p. (In Russian)

Newman S. *The Politics of Postanarchism*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. 200 p.

Rakhmaninova M. *Vlast' i telo* [Power and Body]. Moscow: Radikal'naya teoriya i praktika Publ., 2020. 432 p. (In Russian)

Ryabov P.V. *Mat' poryadka. Kak borolis' protiv gosudarstva drevnie greki, pervye hristiane i srednevekoveye mysliteli* [The Mother of Order. How Ancient Greeks, early Christians and Medieval Thinkers Fought Against the State]. Moscow: RIPOL klassic Publ., 2021. 266 p. (In Russian)

Srnicek N., Williams A. *Izobretaya budushchee: postkapitalizm i mir bez truda* [Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work]. Moscow: Strelka Press Publ., 2019. 336 p. (In Russian)

Stirner M. *Edinstvennyj i ego sobstvennost'* [The Unique and Its Property]. Moscow: RIPOL klassic Publ., 2017. 464 p. (In Russian)